

18+

Адария Айнова

Руки палача

Адария Айнова

Руки палача

<https://litres.ru/74246362>

ISBN 9785007045438

Аннотация

«Руки палача» — это редкий случай зрелой профессиональной прозы: живой язык, точный стиль, афоризмы, которые запоминаются.

Действие — в папской Италии середины XIX века.

Кому подойдёт: ценителям умной исторической беллетристики, психологической глубины и чёрного юмора. Читается на одном дыхании, оставляет послевкусие. Очень сильное чтение.

Содержание

Глава 1, в которой мы знакомимся с человеком, по недоразумению ставшим национальным героем, и его неудачным мулом	5
Глава 2, в которой мы знакомимся с палачом, его учителем и искусством, которому нельзя научиться по книгам	8
Глава 3, в которой Сверчок начинает петь, но не то, что от него ждут, а также в которой выясняется, что у палача очень красивые руки	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Руки палача

Адария Антоновна Айнова

«Между болью и исцелением — всего лишь поворот ладони». — Старая палермская поговорка.

© Адария Антоновна Айнова, 2026

ISBN 978-5-0070-4543-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1, в которой мы знакомимся с человеком, по недоразумению ставшим национальным героем, и его неудачным мулом

Сеньор Алессио по прозвищу Сверчок, потому что трещал без умолку даже в самых неподходящих для трескотни обстоятельствах, был пойман жандармами Его Святейшества при обстоятельствах, настолько глупых, что впоследствии эта история будет пересказываться в трактирах от Палермо до Милана как анекдот о божественной несправедливости.

Дело было в четверг. Четверг в городке Сан-Пьетро-ин-Казучча считался днём рыбным, базарным и крайне неподходящим для революций. Однако именно в четверг Сверчок, страдавший от похмелья после бурного заседания тайного общества «Молодая Италия, но не слишком», решил, что переходить границу герцогства на муле будет отличной идеей. Мул, животное с чувством юмора, идею не оценил. На середине моста через реку Фьюмичелло, что несла свои мутные воды с достоинством графини, мул остановился и принялся философски созерцать воду. Сверчок прищипорил его. Мул не тронулся. Сверчок выругался по-латыни. Мул повернул

голову и посмотрел на хозяина с выражением такого глубокого презрения, что любой декан богословского факультета позавидовал бы.

— Друг мой, — сказал Сверчок мулу, ибо он имел привычку разговаривать со всеми, включая мебель, — ты компрометируешь наше общее дело. Италия ждёт.

Мул фыркнул и принялся жевать чертополох.

Тем временем отряд папских жандармов под командованием сержанта Альбероне — всю жизнь гордившегося тем, что за тридцать лет службы он ни разу не принял самостоятельного решения — патрулировал окрестности в поисках контрабандистов. Увидев на мосту человека на муле, сержант Альбероне испытал прилив профессионального рвения.

— Глядите, — сказал он подчинённым, — человек на муле. Подозрительно.

— Почему подозрительно, господин сержант? — спросил капрал Бьянки, юноша старательный, но лишённый воображения.

— Потому что он на мосту, а мост для того и построен, чтобы по нему ходили. Значит, он что-то замышляет.

Сержант Альбероне, как видите, обладал логикой, перед которой пасовал сам Аристотель. Жандармы окружили мост. Мул, почувствовав внимание публики, решил не ударить в грязь лицом и лёг. Прямо на мосту. Со Сверчком в седле. Сверчок перелетел через голову мула и приземлился прямо

к ногам сержанта Альбероне, при этом из его дорожной сумки выпали: три экземпляра запрещённой брошюры «Почему Папа — болонская колбаса»; карта с пометками, которые при ближайшем рассмотрении оказались рецептом соуса «алла путтанеска»; и пистолет, который, слава богу, не выстрелил, потому что Сверчок забыл его зарядить ещё пару месяцев назад.

— Именем Его Святейшества! — воскликнул сержант Альбероне, краснея от сознания собственной значимости. — Вы арестованы!

— За что? — искренне удивился Сверчок, потирая ушибленный локоть. — За то, что мой мул — осёл?

— За оскорбление животного! — рявкнул сержант. — И за брошюру.

— Брошюра — гастрономическая, — возразил Сверчок. — Там исключительно о качестве варёных колбас в Болонье. Аллюзия на Святой Престол — случайное совпадение.

— Случайных совпадений не бывает, — изрёк сержант Альбероне фразу, которую вычитал в полицейском циркуляре. — В кандалы его.

Так началось заключение человека, которому суждено было стать легендой, перевернуть представления о допросах, подружиться с собственным палачом и попутно очистить город от коррупции. Но об этом пока никто не знал, включая самого Сверчка, который в тот момент думал только о том, что не успел позавтракать.

Глава 2, в которой мы знакомимся с палачом, его учителем и искусством, которому нельзя научиться по книгам

Палача звали Томмазо. Фамилия у него была Лупо, что значит «волк», но её произносили редко, шёпотом и обязательно крестясь левой рукой. Впрочем, сам Томмазо Лупо на волка походил мало. Это был молодой человек двадцати четырёх лет, худощавый, с внимательными карими глазами и руками, про которые можно было бы сказать «руки музыканта», если бы не род его занятий, делавший такое сравнение несколько двусмысленным.

Ремеслу своему Томмазо обучился у маэстро Ферранте по прозвищу Кабанья Тень — мрачного старика, который утверждал, что лично присутствовал при казни каждого второго преступника в Центральной Италии за последние сорок лет, а каждого первого — казнил собственноручно. Ферранте был человеком старой школы и, как ни странно, страстным любителем кондитерских изделий. В его мрачном доме, пропахшем кожей и железом, всегда стояла вазочка с засахаренными фиалками — он выписывал их из Флоренции и поедал в минуты раздумий, аккуратно, двумя пальцами, слов-

но причастие. «Сладость, — говаривал он, — уравнивает горечь ремесла». Эту фразу Томмазо запомнил на всю жизнь — как и то, что учитель никогда не предлагал фиалки ему. Это была единственная роскошь, единственная личная радость старика, и делиться ею он не собирался. Пытка для него была ремеслом, засахаренные фиалки — удовольствием, и смешивать их не следовало.

Детей у Ферранте не было, если не считать воспитанника, которого он подобрал в сиротском приюте двенадцать лет назад. Выбор пал на Томмазо по двум причинам: во-первых, мальчик не плакал, когда его били (а в приюте били часто, с методичностью и размахом), во-вторых, у него оказались удивительно ловкие пальцы. Ферранте, осмотрев руки десятилетнего сироты, словно барышник — копыта лошади, остался доволен.

— То, что надо, — сказал он настоятельнице. — Беру в ученики.

— Чему же вы будете его учить? — спросила настоятельница, которая прекрасно знала, чем занимается Ферранте, но не решалась отказать человеку, чьё расположение ценилось даже в епископском дворце.

— Медицине, — ответил старый палач, и это была правда. Просто правда неполная.

Томмазо действительно изучил медицину — в том её объёме, который был необходим для ремесла. Он знал, как устроено человеческое тело, где проходят нервы и вены, как

долго может длиться боль без потери сознания, какие травмы смертельны, а какие лишь причиняют страдания, не приближая конца. Он умел вправлять суставы, зашивать раны, готовить целебные мази из трав и жиров. Всё это входило в программу обучения, потому что, как любил повторять Ферранте: «Хороший палач — это тот, кто умеет продлить разговор. Мёртвый подозреваемый — плохой собеседник. А клиент, умерший до признания, — ходячий выговор от начальства».

Ходячий выговор. Ферранте любил такие выражения. Он вообще был человеком практичным и лишённым того садистического пыла, который горожане непременно приписывали его профессии. Он не наслаждался криками — он относился к ним как к производственному шуму. Он не упивался видом крови — кровь была для него чем-то вроде чернил, которыми подследственный подписывал признание. «Моя работа — задавать вопросы от имени закона, — объяснял он Томмазо. — Закон, как известно, глуховат, так что вопросы приходится повторять. Иногда — громче».

Учил он жёстко. За ошибки наказывал — порой теми же методами, какими учил пользоваться. «Если ты не знаешь, что чувствует клиент при втором обороте винта, как ты сможешь дозировать давление?» — спрашивал он и тут же давал практический урок. Томмазо не жаловался. Боль он воспринимал как часть обучения — так же, как будущий повар обжигается о кастрюли, а будущий кузнец вечно ходит с

синяками от молота. Ремесло есть ремесло. Всякое ремесло оставляет отметины на теле и на душе. Так он думал.

К двадцати четырём годам Томмазо превзошёл учителя. Ферранте признал это сам — впрочем, без гордости и без зависти, с тем спокойным удовлетворением, с каким сапожник смотрит на ученика, сшившего лучшие сапоги.

— Ты можешь держать человека на грани сколько угодно, — сказал старик как-то вечером, когда они ужинали бобовой похлёбкой. — У тебя руки — дар. Я за сорок лет не достиг такой точности. Ты можешь резать так, что клиент будет просить добавки. Но запомни, Томмазо: руки — это половина дела. Вторая половина — здесь.

Он постучал себя по лбу.

— И здесь, — он постучал по груди, где, по его представлениям, помещалось то загадочное устройство, которое люди называют сердцем, а Ферранте называл «предохранительным клапаном». — Не путай ремесло с удовольствием. Как только начнёшь получать удовольствие — пропадёшь. Станешь зверем. А зверя рано или поздно пристрелят.

— Я не получаю удовольствия, — ответил Томмазо.

— Знаю. Поэтому ты лучший.

На том разговор и закончился. Ферранте умер через полгода — подавившись сладостью. Томмазо остался один. Он не плакал — в приюте его отучили от этой роскоши, — но впервые за много лет почувствовал, что земля под ногами начала крениться. Старик был жесток, несправедлив и, ка-

жется, единственным существом на свете, которому было не всё равно, выучит Томмазо своё ремесло или нет. Теперь даже этой странной заботы не осталось.

Ему перешло хозяйство: подвал в здании тюрьмы Сан-Джованни-дель-Оссо, набор инструментов, три бутылки с настойками собственного изготовления и репутация человека, который может развязать любой язык.

За два года самостоятельной работы он не встретил ни одного подследственного, который продержался бы дольше трёх дней. Некоторые заговаривали ещё в коридоре, слышав его шаги. Тюремщики уважали его, начальство ценило, горожане боялись и презирали. Никто никогда не смотрел ему в глаза дольше секунды. Никто не говорил с ним как с равным. Он привык.

А потом привели Сверчка.

Глава 3, в которой Сверчок начинает петь, но не то, что от него ждут, а также в которой выясняется, что у палача очень красивые руки

Их первая встреча состоялась в подвале, который в официальных документах именовался «комнатой для настоящих расспросов», а среди заключённых — «гостиной синьора Лупо». Сверчка привели утром, ещё до завтрака. Томмазо как раз заканчивал проверку инструментов — раскладывал их на столе, покрытом чистой холстиной, с той педантичностью, с какой аптекарь раскладывает склянки перед началом дня.

Дверь отворилась, и два тюремщика ввели человека в разорванной рубашке, с синяком на скуле и с выражением лица, которое можно было бы назвать «глубокая задумчивость пополам с неуместным оптимизмом». Сверчок — а это был именно он — оглядел подвал с интересом путешественника, посетившего историческую достопримечательность.

— Доброе утро, — сказал он. — Простите, что не могу пожать руку — они у меня связаны. Что за коллекция у вас здесь? Позвольте взглянуть поближе?

Томмазо молча указал тюремщикам на дыбу. Те привычно закрепили верёвки. Сверчок не сопротивлялся — напротив, он вертел головой, рассматривая потолок, словно прикидывал, не нуждается ли тот в побелке.

— Скажите, — обратился он к Томмазо, пока тюремщики возились с узлами, — ваша ли это конструкция или вы придерживаетесь классической школы? Я спрашиваю, потому что видел чертежи немецкой модели — там предусмотрен храповик, позволяющий фиксировать натяжение. У вас, как я погляжу, римская система? Без храповика?

Томмазо моргнул. За все годы работы никто из клиентов не спрашивал его о технических деталях. Кричали — да. Проклинали — безусловно. Умоляли — часто. Но чтобы обсуждать преимущества немецкой дыбы перед римской? Такого ещё не было.

— Римская, — ответил он после паузы. — С моими доработками.

— Любопытно! — искренне оживился Сверчок. — И что за доработки?

— Угол наклона. Меньше нагрузка на плечевые суставы. Можно дольше.

— То есть вы заботитесь о комфорте клиента! — Сверчок просиял. — Это редкое качество. Обычно палачи — люди без фантазии. А у вас, я чувствую, талант.

Тюремщики переглянулись. За пятнадцать лет службы они не слышали, чтобы подследственный делал комплимен-

ты палачу до начала процедуры. Это было... непривычно.

— Приступайте, — сказал Томмазо тюремщикам, стараясь не встречаться глазами с клиентом.

— Подождите! — воскликнул Сверчок. — Прежде чем вы начнёте меня спрашивать о вещах, которых я, честно говоря, и сам толком не знаю — у меня ужасная память на имена, а конспиративные клички я вечно путаю — позвольте один вопрос.

Томмазо остановился. Вопрос перед началом — это было в порядке вещей. Обычно спрашивали: «Это будет больно?» или «Вы убьёте меня быстро?». Он приготовился к стандартному ответу.

— Как вас зовут? — спросил Сверчок.

— Что?

— Имя. У вас есть имя? Меня вот зовут Алессио, хотя все называют Сверчком. Прозвище глупое, но прилипло. А вас? Томмазо помедлил. Имя. Его спрашивали имя.

— Томмазо, — сказал он.

— Tommaso... — протянул Сверчок, смакуя звук. — Фома. Тот самый, что не верил, пока не потрогал. Мне всегда нравилось это имя. Очень приятно, Томмазо. Не буду лукавить — обстоятельства нашего знакомства могли бы быть приятнее. Но что есть, то есть. Если вам всё равно, давайте начнём с того, что я вам сразу скажу: я действительно знаю кое-что важное, но не то, о чём вы собираетесь спрашивать. И это создаст некоторую неловкость. Чтобы избежать недо-

разумений, может, просто побеседуем?

— Спрашивать буду я, — твёрдо сказал Томмазо. — А вы будете отвечать.

— Прекрасно! Диалог! Я люблю диалоги. Сократ, помнится, тоже любил. Правда, его за это заставили выпить цикуту, но давайте не будем о грустном. Итак, ваш первый вопрос?

Томмазо сделал знак тюремщикам. Те начали натягивать верёвки. Сверчок поморщился.

— Ай! Ну вот, начали. Хорошо, хорошо. Я понял. Вы серьёзный человек. Давайте серьёзно. Что вы хотите знать?

— Имена. Сообщники. Явки. Планы.

— О! — сказал Сверчок, и в его голосе прозвучало неподдельное облегчение. — Так это же проще простого. Записывайте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.